

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

.....

И.А. Климов*

*Слушай, мальчик, нелегко мне,
стерлись имена и сроки...*

М. Щ.

Вроде бы очевидно, что историю как проверяемого знания о прошлом следует отличать от социальной памяти — от бытующих практик припоминания и многообразных «обыденных теорий» о прошлом. В одном случае поиск ответов определяется логикой истинности, достоверности, профессиональной корректности и т. д., в другом — эмоциональной и когнитивной потребностью в подкреплении собственной идентичности в пространстве субъективно осмысленных и субъективно значимых социальных и культурных категорий, понятий, концептов, в выстраивании и позитивном подтверждении образа себя, своего общества, прошлого, настоящего и будущего. В обоих случаях порождаются не факты («как это было»), а мнения о том, «что это значит», но механизмы порождения принципиально разные.

Однако всякий раз, когда речь заходит о социальной истории, о представлениях людей относительно героических и травматических эпизодов прошлого, оказывается трудно соотносить «экспертное» и «профанное» историческое знание. Суть этой проблемы — взаимная нетранспарентность очевидностей. Профессионал может возмущаться и не понимать, как можно придерживать-ся «примитивной», «устаревшей», «некомпетентной» и прочее точки зрения, и как вообще возможно рассуждать о вещах, явлениях и событиях, не имея «элементарных» знаний. И напротив, знания профессионала зачастую ничего не сообщают и ничего не значат для обыденного сознания, они не содержат в себе подсказки — а что, собственно, с ними делать? То, что очевидно специалисту, может оказаться неочевидным несведущему человеку, находящемуся вне контекста профессиональных традиций и профессионального этоса.

* Климов Иван Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: klimov@orc.ru

Эта нетранспарентность редко порождает серьезные проблемы: «профанное» знание пасует в прямых диспутах перед «экспертным» знанием, но при этом, уступая компетентности, скрывается в сфере частного: «остаюсь при своем мнении». В той или иной мере это характерно для тех, ставших «историей» и для специалиста-историка, и для «профана». Когда личная соотнесенность с событиями, например, полувековой или же столетней давности истончается или же вовсе прерывается, когда люди в большинстве своем уже не могут, опираясь на собственный опыт, сказать, «как это было на самом деле», господство экспертной, профессиональной доксы становится неоспоримым. Однако бывают ситуации, когда конфликт интерпретаций становится реальностью, игнорировать которую нельзя. Например, когда речь идет об истории современности и историк говорит о социальных настроениях как о некотором ментальном контексте событийности, придавая статус факта одним элементам обыденных представлений и отказывая в таковом (явно или же «по умолчанию») другим элементам. Ловушка доксы: «экспертное» знание должно игнорировать конъюнктурное влияние дьящущейся здесь-и-сейчас социальной истории, господствующих (но переменчивых) социальных представлений.

Примеров тому множество: реинтерпретация истории советского времени, революции, Великой Отечественной и второй Мировой войн [2–4; 6; 7]. Данные недавнего исследования Фонда «Общественное мнение» показывают, что этот ряд можно продолжить еще одним эпизодом истории — эпохой перестройки*. Конечно, символическая репрезентация перестройки в фильмах, книгах, песнях и иных артефактах гораздо беднее. Однако именно сейчас начинает выстраиваться система оценок эпохи перестройки, и в связи с этим очень важно знать систему обыденных оценок и интерпретаций этого фрагмента нашего недавнего прошлого, хотя так ли применимо к перестройке понятие «прошлое»?

Задумывая небольшое исследование на эту тему, мы предполагали обнаружить некоторые механизмы, казусы и реперные точки, определяющие представления людей о данном периоде.

* * *

Новая эпоха в жизни нашей страны началось двадцать лет назад, с выступления Михаила Горбачева на апрельском 1985 г. пленуме ЦК КПСС. Как показывают данные опроса, сегодня в воспоминаниях россиян эта историческая эпоха окрашена преимущественно в мрачные тона. Лишь 17 % респондентов заявили, что оценивают перестройку положительно, тогда как 50 % определили свое отношение к ней как отрицательное. Остальные либо относятся к перестройке нейтрально, безразлично (27 %), либо затрудняются с оценкой (7 %). Отношение респондентов к перестройке, естественно, во многом зависит от их

* Проект включал опрос населения (9–10 апреля 2005 г.) по репрезентативной общероссийской выборке в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России (интервью по месту жительства с 1500 респондентами), дополнительный опрос населения Москвы (600 респондентов) и три дискуссионные фокус-группы в Санкт-Петербурге, Воронеже и Москве [8].

возраста. Люди в возрасте от 55 лет чаще других оценивают ее отрицательно (62 %), тогда как среди молодых (18–35 лет) такую оценку дают 35 %. Но число позитивных оценок варьируется незначительно — от 20 % среди молодых до 13 % среди пожилых респондентов. Вместе с тем молодые значительно чаще, чем представители других возрастных групп, демонстрируют безразличное отношение к перестройке: 37 % против 22 % соответственно.

Есть и еще несколько существенных особенностей. Чаще других о своем положительном отношении к тому времени говорят люди, адаптированные к сегодняшней жизни и в целом благополучные, — положительных и отрицательных оценок среди них примерно поровну (27 и 33 % соответственно). А вот среди тех, кто не смог адаптироваться к современной жизни, распределение мнений совершенно иное: 9 % положительных оценок против 62 % отрицательных.

Похожие тенденции фиксируются и по таким параметрам, как место жительства и образование респондентов. Жители Москвы и городов-миллионников существенно чаще давали положительные оценки перестройке, чем жители сел (32 и 26 % против 12 % соответственно), а респонденты с высшим образованием — чаще, чем люди с неполным средним образованием (31 против 9 %).

Таким образом, уже эти данные показывают, что отношение к перестроенному времени как к эпизоду в истории страны оказывается связанным с таким важным параметром, как ресурсность, с наличием или отсутствием «социального капитала», который позволяет человеку быть более гибким и адаптивным к условиям жизни *сегодняшнего дня*. То есть речь идет не просто о различиях, обусловленных культурным и мировоззренческим разрывом между разными поколениями, но и о существовании каких-то особых, различающихся способов выстраивания значений, субъективно полагаемого *смысла* конкретного исторического периода.

Механизмы функционирования социальной памяти разнообразны и сложны. Нашим восприятием знаков, напоминающих нам об истории, репрезентирующих те или иные события в актуальном настоящем, управляют несколько важных механизмов. Во-первых, это «распознавание имени». Наличие более или менее клишированного, стереотипного названия, выполняющего функцию конвенционального маркера, является индикатором той системы смыслов, которая выстраивается в качестве коннотативного шлейфа. Одно дело, когда речь идет, например, о Дне Советской Армии, и другое — о Дне защитника отечества [1]. Однако если в данном случае встает вопрос о совмещении прежнего значения и новых смыслов, знаний, сведений, то применительно к перестройке проблема выстраивается несколько иначе. Имеет ли этот знак способность актуализировать определенные представления и сеть интерпретаций?

Материалы массового опроса показывают, что для подавляющего числа россиян не составляет особой сложности мобилизовать в памяти представления, относящиеся к эпохе перестройки, хотя из всех высказываний очень трудно выделить какой-либо устойчивый лейбл, словесную формулу этого времени.

На открытый вопрос, какие ассоциации или воспоминания вызывает это слово, тот или иной ответ (но ответ по теме) дали 72 % респондентов; остальные затруднились с ответом или признались в отсутствии ассоциаций.

Точно так же участники дискуссионных фокус-групп (перед обсуждением им было предложено записать ассоциации со словом «перестройка») без труда идентифицировали предмет разговора — иногда в демонстративно оценочном ключе, иногда — в метафорическом.

«Мое отношение к ней — резко отрицательное» (ДФГ, Москва).

«Манипуляция» (ДФГ, Москва).

«Крах, ужас, точка отсчета. Революции для России — всегда плохо» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Деньги, образ жизни, цивилизация» (ДФГ, Санкт-Петербург).

О каком бы событии, факте или исторической личности ни заходил разговор, всегда действует непреложная закономерность (и это еще один очень важный механизм мнемонических действий): «содержательный» образ события находится в тесной связи с «эмоциональным» образом, который может облегчать, затруднять или даже искажать припоминание. То есть в определенных случаях именно наличие яркой эмоциональной окрашенности темы, ее способность вызывать в людях самые разнообразные переживания оказываются важным компонентом не только самого процесса припоминания, но и интерпретации этой темы, ее встраивания в картину мира, в систему социально разделяемого знания.

Как показывают ответы на упомянутый открытый вопрос, само слово «перестройка» по большей части вызывает у людей негативные ассоциации и воспоминания. Оценки такого рода прозвучали в высказываниях 53 % опрошенных, тогда как определенно положительные характеристики дали лишь 9 % россиян. Соответственно эмоциональная компонента непременно проявляется в том, какие именно события, эпизоды и факты, связанные в восприятии людей с тем временем, припоминаются и, самое главное, какие выразительные приемы используют респонденты для одновременного обозначения факта и своего отношения к нему. Вот, например, несколько высказываний с ярко выраженной негативной окраской:

«Большие катаклизмы в жизни страны»; «бардак во всем и во всей стране»; «выругаться хочется, полный грабеж»; «государство с книжками вложений обобрало нас»; «даже не могу слышать»; «сумбурный кошмар»; «прихватизация»; «власть карманы стала набивать изо всех сил»; «разграбление чиновниками и их приближенными госсобственности»; «разрушение государства, которое освободило Европу от фашизма» (ответы на открытый вопрос).

«... Честно говоря, так вот, я не помню ничего, кроме запрета алкоголя. Потом перевернули всю жизнь, всех людей, все, все смешали — все нации, все республики, все рухнуло и посыпалось... Я считаю, что до перестройки мы очень хорошо жили, что это не для нашей страны» (ДФГ, Москва).

А вот как о тех же процессах говорят люди, восприятие которых определяется в целом положительными переживаниями:

«Проведение прогрессивных реформ»; «рывок в будущее России»; «преодоление застоя»; «правильные идеи в экономике»; «вместо неэффективного государства — хозрасчет и рыночная экономика»; «демократия, гласность»; «народу возвращали право на власть» (открытый вопрос).

«Это была предреволюционная ситуация, и поэтому созрел народ... Просто так, если бы все было крепким, ничего не рухнет... Горбачев в перестройку — он вводил НЭП, как Ленин. То есть часть государственных предприятий должна быть у государства, а часть — собственникам раздать, чтобы они тут все нас кормили. Но ему не дали...» (ДФГ, Москва).

«С перестройкой связан новый образ мышления... Я считаю, что если не было бы перестройки, то был бы застой, а жизнь развивается, на месте не стоит... Поэтому и перестройка — запустить процесс обновления власти, экономики, общества... Это был последний шанс: либо ты идешь, либо падаешь и умираешь» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Сам феномен оценочной и эмоциональной двойственности вполне очевиден и ординарен — нет ни одной темы, где опросы могли бы выявить полное единодушие респондентов. Для нас же важно подчеркнуть, что эмоциональный образ события в значительной мере управляет процессами припоминания и существенно влияет на тематическую и содержательную «разметку» этого события в сложившейся картине мира человека. Понятно, что процесс мобилизации памяти и знаний является целостным, и различие эмоционального и содержательного образов — это аналитический прием, позволяющий реконструировать совокупное отношение людей к той или иной теме. Таким образом, мы переходим к определению еще одного, третьего механизма, управляющего мнемоническими действиями. Это событийное наполнение знака, интерпретация и идентификация времени через события, героев, через хронологию жизни страны и предков. Процесс припоминания дает толчок не только к актуализации знаний, но и к мобилизации впечатлений и образов, связанных с более широким культурным и историческим контекстом. Это воспоминания не только о героях и их деяниях, но и о бытовых, обыденных вещах, о скандалах, анекдотах, проблемах, конечно же, о книгах, фильмах, фотографиях, т. е., о любых артефактах культурной жизни.

Если рассматривать данные массового опроса, ответы на открытые вопросы и высказывания участников фокус-групп с точки зрения тематической конкретизации, содержательного и событийного доопределения исходного знака («эпоха перестройки»), можно выделить несколько наиболее устойчивых тематических областей.

Первый компонент тематической структуры — тема *изменений*: как происходили перемены, что изменилось к лучшему, а что — к худшему, перемены в жизни страны и в собственной жизни респондентов, а также *качество* изменений (целенаправленные или же хаотические, управляемые или неконтро-

лируемые). В ответах на открытый вопрос об ассоциациях, связанных с перестройкой, тема изменений (без учета упоминаний о конкретных реформах и преобразованиях) проявилась в высказываниях 26 % опрошенных.

Изменения в целом (7%): *«большие изменения в стране»; «всю жизнь перестраивают»; «ломка старых порядков»; «начало процесса реформирования в стране»; «новые времена»* (открытый вопрос).

Плохие перемены и перемены к худшему (12%): *«абсолютный абсурд»; «большие катаклизмы в жизни страны»; «начиналось с малого, потом все ужнуло»; «перестроились в худшую сторону»; «ухудшение жизни длительное»; «чума XX века»* (открытый вопрос).

Изменения к лучшему (4%): *«изменения произошли к лучшему»; «было ожидание позитивных перемен»; «жизнь будет лучше, должна, во всяком случае, улучшаться»; «проведение реформ, которые улучшили бы жизнь»* (открытый вопрос).

Недоведенность изменений до конца (2%): *«натворили дел, до конца не довели»; «лишь бы чего-нибудь делали, если собрались»; «нет начала и конца»; «перестраивались и не перестроились»; «сломать — сломали, а построить — не построили, как это обычно у нас бывает: хотим как лучше...»* (открытый вопрос).

Непродуманность изменений и реформ (1%): *«бардак, прежде всего — в головах тех, кто ее делал. Слишком далека она от людей»; «рано, непродуманно, не то все было сделано»* (открытый вопрос).

Таким образом, эпоха перестройки дала толчок к тому, чтобы в обыденных представлениях сформировалась «теория перемен», подобно другим обыденным «теориям» власти, денег, справедливости и т. д. На уровне отрывочных суждений такие «теории» могут выглядеть набором стереотипов, ошибочных сведений, проявлением «фобий массового сознания». Однако у «теории перемен», как и у любой теории, есть собственная тематическая структура, интерпретирующая логика и самое главное — мотивирующая способность. Безусловно, определенная «теория перемен» существовала и прежде, ее элементы — революция как созидательное творчество масс, с одной стороны, и политическое решение, принимаемое на вершине социальной (политической) иерархии, — с другой. Тематической и семиотической рамкой новой версии стала идея хаотизации жизни в стране, влияние на эту жизнь разнонаправленных факторов и непредсказуемых обстоятельств [9–11]. Ключевой формулой «теории перемен» оказалась известная фраза В. Черномырдина, сказанная по совершенно иному поводу, но без труда экстраполируемая на любые другие события:

«Мне кажется, перестройка нужна была в целом. А это, вы знаете, в чем причина <негативных последствий>? Власти оторвались очень от народа. Они перестраивались сами по себе, а народ подстраивался под это. И вот как тогда пошла эта перестройка? Хотели как лучше, получилось как всегда — так коммунисты и сделали эту перестройку» (ДФГ, Воронеж).

Второй компонент тематической структуры — рассуждения об экономических проблемах, о последствиях перестройки для промышленности, сельского хозяйства и экономики в целом. Часть респондентов непосредственно с перестройкой связывали и приватизацию. Эти темы озвучили около 5 % участников массового опроса.

«...Развал экономики...»; «закрылись предприятия»; «наше предприятие полностью развалилось»; «развал плановой экономики»; «сельское хозяйство угробили»; «фабрики закрыли» (открытый вопрос).

«У нас была колоссально развитая промышленность, особенно тяжелая, в Советском Союзе. А ведь после перестройки у нас практически тяжелая промышленность резко сдала, легкая промышленность в некоторых городах вообще исчезла до нуля, транспортное производство, транспортное машиностроение тоже практически до нуля ушло. Не стало заказов, развалился Советский Союз — потеряли связи, не было сырья. Руководство предприятий — кто-то сумел повернуться вот к этой перестройке. Или утонули, или остались на плаву. Тут много всяких факторов» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«...Нельзя было резко прыгать, нужно было потихонечку тянуть какие-то отрасли, как в Китае. То есть что-то сохранять, а какие-то отрасли пытаться доводить до мирового уровня. Но тогда сами директора уничтожили собственные предприятия. Они не верили в будущее и не могли работать по-другому. Они просто украли, превратили собственность в деньги и вывезли это все за границу» (ДФГ, Воронеж).

«Ерунда, приватизация»; «как прошла неправильно приватизация»; «перевод... государственных владений в частные руки»; «разделили собственность народную — вот и вся перестройка» (открытый вопрос).

«Участник ДФГ: Россия куда-то плавно скатилась, превратилась почти в страну третьего мира.

Модератор: Вы это связываете с перестройкой?

Участник ДФГ: Ну да, вот именно за это время все произошло. Понимаете... пошла приватизация крупных предприятий и так далее: за бесценок скупали заводы. Ну, в общем, много чего с экономикой страны сделали. Когда ваучеры выпускали, эти деятели... они же не хотели, чтобы кто-то лучше жил, они свой карман набивали... Поэтому у нас и промышленность так слабо развивалась, а что было — разрушалось. Особенно при Ельцине» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«...Кооперативы, рыночная экономика»; «изменения, коренное преобразование в экономике...»; «преодоление застоя»; «рыночные отношения появились»; «хозрасчет — это была правильная идея» (открытый вопрос).

«Разрешили заниматься частным бизнесом, искать экономическую выгоду, зарабатывать не у государства, а самим. Мне казалось, что все воспряли духом, потому что началась приватизация, дачи отдали фермерам. То есть те, кто поактивнее, начали организовывать фермерские хозяйс-

тва. Сейчас, явно, это все развалилось. Но люди тогда брали, в общем-то, <...> организовывали фермы, заводили какое-то свое дело» (ДФГ, Москва).

Третья тема, тесно связанная с духом экономических преобразований и одновременно с субъективной хронологией перестроечных событий, касалась разрушения законности и наступления криминала (звучала в ответах 7% участников опроса).

«Может, и нужно было какую-то государственную собственность отдавать <в частные руки>, но ведь что произошло: все криминальные элементы (не все, но очень большая часть), они криминальные деньги «отмыли», короче говоря, на этих покупках предприятий. И криминал резко вошел в нашу промышленность, политику. У нас резко возросла коррупция, которая до сих пор существует» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Тема бездействующих законов, бандитизма, преступности и коррупции выполняет двоякую функцию. С одной стороны, это неперенный дескриптор, изобразительное средство, применяемое людьми (настроенными главным образом против перестройки) для событийной и содержательной характеристики того времени. Вторая ее функциональная задача — фиксация процесса, когда начали разрушаться власть и государство как политический институт. Криминал и беззаконие — это одно из самых сильных оснований для делегитимации власти. Недаром, отвечая на открытый вопрос о целях перестройки, 20% опрошенных сказали, что это были корыстные цели, и выстраивали в один ряд жажду наживы, воровство и борьбу за власть.

«Все преобразования наши властители проводили для своего обогащения»; «грабеж, заранее все рассчитали: развал — разворовали все»; «разворовать страну, хаос создать, а под этот хаос грабить народ, страну»; «больше власти захватить»; «чтобы у них была полная власть»; «все переределивать по-новому»; «больше хапать» (открытый вопрос).

Участники фокус-групп обсуждали эту тему не столько в ряду других событий и проблем, сколько давая оценку действиям власти. При этом имели место не просто оценки, а объяснения качественно новой природы власти — через указание на сущностно близкие процессы: криминализацию власти и обретение политической власти криминалом.

«Почему началась перестройка?.. А потому, что определенные категории лиц накопили уже большие деньги. Они требовали своего выхода — нужно было срочно менять строй социальный, иначе эти деньги не могли никуда быть положены. Это значит, торговля, всевозможные криминальные элементы... выходцы из комсомола, функционеры партийные, партocrats, которые накопили большие деньги. Нужен был выход им, нужно было ездить в Америку спокойно, нужно было покупать недвижимость в Париже, и вот разработали такую схему, которую, наконец, потихоньку осуществили поэтапно» (ДФГ, Москва).

«Перестройка пошла совершенно не в ту сторону, которая необходима. Позиции криминала усилились: рэкетеры всякие, военные, афганцы, прос-

то бандюки... В высшие эшелоны власти влез криминал. Какие-то странные люди <оказались> во власти, бывшие комсомольцы и партийные... В те времена, имея криминальные деньги какие-то, стало можно или завод, или какое-то предприятие купить за бесценок. Потом те, кто потерял работу, — они будут на тебя работать и создавать деньги. Как у нас образовался Абрамович? За счет того, что во время перестройки скупил нефтяные промыслы, стал их хозяином» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Все директора кинулись воровать. Не создавать производство, а хапнуть. Украсть, растащить, а после меня — хоть трава не расти. Лучший бизнес — это воровство. А кто им дал такую возможность? Перестройка. Появилась группа людей, которая решила, что все события можно повернуть под себя, под свой карман... Им нужны были другие законы, для себя. Только разрушив власть, они смогли для себя сделать бизнес, вложить капиталы. И что их отстреливали, и что бандитов появилось много, и что все воровали, что можно было украсть, — это все потому, что государство они поставили под себя» (ДФГ, Воронеж).

Еще одна (четвертая) тема, неразрывно связанная с представлениями о перестройке, — распад СССР. Рассуждения участников фокус-групп показывают, что эта тематическая область представляет собой целую сеть нагруженных ценностными значениями интерпретаций, что в значительной степени коррелирует с данными опросов, посвященных непосредственно этому историческому событию (см., например [5]). Вместе с тем в сознании значительной части россиян перестройка и распад СССР — это два элемента картины, отображающиеся друг в друге, участвующие во взаимной интерпретации и выстраивании общей системы смыслов. Для кого-то — это крах великого государства, для кого-то — развал «плохой» империи. Кто-то говорит о закономерности происшедшего, кто-то — о злом умысле. Смысловая связь распада СССР с перестройкой проявилась в ответах 5 % опрошенных.

Одним из фрагментов рассуждений на эту тему является разговор о политических преобразованиях в целом, где о распаде СССР упоминается не столько как о «гибели страны», сколько как о «рубеже преемственности». Последний интерпретируется как революционный разрыв в преемственности власти, повлекший за собой не только исчезновение прежнего государства, но и начало иной политической эпохи (4 % респондентов).

«Разделение страны на мелкие части»; «разрушение мощного государства»; «смена государственного устройства, формы правления, конец империи»; «изменения в политическом режиме и строе страны»; «переворот был»; «революция»; «смена власти, новый вектор направления и будущее России»; «уход от коммунистического режима» (открытый вопрос).

«...К капитализму надо было, на мой взгляд, как-то подходить. Подходить к другой политической системе, к демократическому государству — все страны прошли через это. Революции не было, были революционные изменения, отрывающие от нас империю. Просто мы проскочили

часть этого этапа... Это <СССР> была империя. В моем понятии, империи всегда распадаются. Накопилось очень много проблем в экономике, политический строй нужно было менять, отношения с республиками и нациями, да и всякие мировые претензии: Афганистан, Европа, Куба, «холодная война»... И империя этого не выдержала, она не подлежала изменениям в прежнем виде» (ДФГ, Воронеж).

«Явная ошибка той перестройки в том, что развалено такое огромное государство, как Советский Союз. Не надо было этого делать. Демократическая революция в России должна была показать власти, что нужно на демократической основе было образовывать эти государства, дать свободу слова, печати, демократию внедрить. Но тогда бы у нас не потерялись экономические связи, у нас бы резко не упало производство. То есть с точки зрения демократии хорошо, что развалился Советский Союз, стали все свободными. Но мы на этом потеряли больше, чем выиграли» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«...Последствий перестройки избежать нельзя, а сделать по-другому можно было бы. Я бы сказал, что это была некая революция, контрреволюция, где народ ничего не понимал. Просто можно было сделать не революционным путем, когда все обрушилось — экономика, благополучие людей, а эволюционным...» (ДФГ, Москва).

«...Программа перестройки — это речь Далласа. С 45 года надо начинать, когда была поставлена задача уничтожить Россию как сверхдержаву. Мы ослабили <в войне>, и получилась возможность нас сожрать... Все сошлось, появилась возможность развалить страну, империю — не империю, но большую экономику. Да и у нас появилась новая элита, которая пожелала под себя все это хапнуть. Все сошлось в один клубок, и все получилось... Я не спорю, задумывалось что-то новое в экономике — надо было платить населению пенсии и зарплаты, а иначе в стране был бы просто бунт. А для этого надо политические перемены, рынок разрешить. Вот чем они руководствовались. А то, что их использовали по-другому — это уже другой вопрос» (ДФГ, Воронеж).

Как показывают исследования, для большинства людей распад СССР стал символической границей, отделившей прежнюю жизнь — понятную, предсказуемую, стабильную — от новой — жесткой и жестокой, наглой, непонятной и непредсказуемой, разрушающей благополучие людей. В той мере, в какой перестройка полагается причиной этих изменений, отношение к ним переносится на отношение к этому социальному и политическому проекту. Поэтому еще одной и, наверное, самой важной тематической областью, участвующей в топологии обыденных теорий о перестройке, является тема благополучия людей, их жизни и судьбы после и в связи с изменениями, начавшимися в конце 1980-х гг.

Пореформенное время с его многочисленными общественными, политическими, экономическими катаклизмами удивительным образом легитимировало

понятие частной жизни. Апелляции к субъективности и к собственному мнению, доводы о личном благополучии, ценность «защищенности частной жизни» стали *самостоятельным критерием оценки* многих вещей и событий в стране, процессов масштабных, сложных и, как можно считать, несоизмеримо более важных — от очередной реформы до деятельности президента, кабинета министров и оценок развития государственной экономики. Доводы такого рода получили статус правомочных, естественных, нормальных и не воспринимаются в качестве эгоистических, а потому «постыдных», «слабых» и «не заслуживающих внимания».

В данном случае мы имеем дело с особым механизмом припоминания — с переживанием личной соотнесенности со временем или событием. Разумеется, чем дальше от сегодняшнего дня находится событие, тем слабее и тоньше оказывается переживание личной связи с ним и со временем в целом и тем более заметной становится роль других факторов — знаний, идеологии, праздников, музеев, памятников и т. д. Однако если время, событие, историческая эпоха оставили значимый след в личной биографии или же в семейной истории человека, припоминание оказывается более простым, живым и естественным.

Материалы опроса позволяют говорить о двух принципиально важных моментах, которыми определяется отношение россиян к перестройке и перестроенному времени. Во-первых, в субъективном восприятии большинства наших сограждан эпоха перестройки — это *длжащееся настоящее*: по мнению 67 % опрошенных, она еще не закончилась.

Итак, как минимум для двух третей россиян перестройка еще не стала событием, исчерпавшим свой внутренний ресурс к развитию, периодом, в котором уже все совершилось, отжило и к которому можно относиться пусть не безразлично, но спокойно, одновременно сохраняя определенность собственных оценок, положительных или отрицательных впечатлений. Люди не пережили, но продолжают переживать перестройку.

«Она продолжается... Смотрите, какие у нас законы — каждый раз новые. Постоянно реформы, в которых не разобраться: одно отменяют, другое вводят, потом опять отменяют. Да даже в жизни людей постоянно появляются новые правила — да и не в пользу людей, там, предпринимателей тех же. А если что-то уже выйдет на какой-то уровень и закрепится, тогда можно...» (ДФГ, Москва).

«А она не закончилась. Я думаю, что она до сих пор идет. Потому что жизнь очень активна, все время меняется — это и есть перестройка. Передел собственности, реформы бесконечные — это все те же проблемы решаются, никак не решаются. ЖКХ, образование, льготы вот отменили. Как только что-то устаканится, она закончится... Оранжевые революции — это же ведь тоже все перестройка горбачевская аукается» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«А как понять, что именно то время или иное — это конец перестройки? <Это можно сделать> в тот момент, когда есть у нас уже какие-то

и хорошие примеры — людей, семей, бизнесменов, которые уже наладили свою жизнь. Когда возможно подытожить так, что вот она произошла: было все тяжело, было все плохо, но теперь перестройка уже дала свои плоды... Можем ли <сегодня> сказать, что вот он, такой итог?» (ДФГ, Москва).

Только 13 % участников опроса уверены, что перестройка уже завершилась: либо путчем, развалом СССР и уходом М. Горбачева (2 %), либо добровольной отставкой Б. Ельцина в канун 2000 г. (2 %), либо президентством В. Путина (1 %). В открытом вопросе и на фокус-группах назывались и другие маркеры окончания перестройки:

«Когда все приватизировали, особенно в нефтяной и газовой промышленности»; «когда было приватизировано большинство предприятий»; «расстрел Верховного Совета»; «дефолт» (открытый вопрос).

«Закончилась она 3–4 октября 1993 г., когда выгнали три танка и сданы по этому самому Верховному Совету РСФСР. Тогда мы проснулись в новой стране» (ДФГ, Воронеж).

«Ну, в том виде, в котором она была в 91 году, горбачевская перестройка, она закончилась с приватизацией. Это ей подвело жирную черту» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Закономерно, что представление респондентов о завершенности или незавершенности перестройки в определенной мере связано с их возрастом: люди в возрасте от 18 до 35 лет заметно чаще, чем пожилые, полагают ее завершенной. Однако даже для 60 % молодежи (табл. 1) перестройка еще не закончилась.

Т а б л и ц а 1

Мнения возрастных групп о завершенности перестройки*, %

Перестройка	Все опрошенные	18–35 лет	36–54 лет	55 лет и старше
Закончилась	13	19	12	9
Не закончилась	67	61	73	66
Затрудняюсь ответить	20	20	16	25

Если для значительной части людей перестройка оказывается длящимся настоящим, можно предполагать, что и критерии оценок, мотивировочное ядро суждений относятся к сегодняшнему дню. Ведь если перестройка как событие и *мое* сегодняшнее положение — с моими успехами и неудачами, с моими проблемами и свободами, раздражением и надеждами — находятся в прямой, не разорванной временем связи, значит, итогом и значением ее является текущая ситуация, общее положение дел в стране и в моей семье в частности. На жизнь

* Формулировка вопроса: «Как Вы полагаете, эпоха перестройки закончилась или не закончилась?»

почти половины россиян перестройка оказала существенное влияние, причем негативное (табл. 2).

Таблица 2

Распределение мнений о влиянии перестройки на жизнь семьи, %

Что принесла перестройка семье*	Все опрошенные	Перестройка на Вашей жизни сказалась...			
		не сказала	существенно	несущественно	затрудняюсь ответить
Больше хорошего	17	14	14	18	9
Больше плохого	65	23	79	51	26
Затрудняюсь ответить	19	64	7	30	65
<i>Всего в выборке</i>	100	14	58	17	10

Среди тех, кто уверен, что сегодня Россия развивается в неправильном направлении, большинство считает, что перестройка принесла больше плохого (табл. 3). Оценивающие вектор развития страны как «правильный» (таких 30 %) интерпретируют итоги перестройки намного оптимистичнее, хотя и среди них заявившие о ее положительных результатах остаются в меньшинстве: 34 % этой группы опрошенных полагают, что перестройка пошла на пользу стране.

Таблица 3

Распределение мнений о влиянии перестройки на жизнь страны, %

Что принесла перестройка стране**	Сегодня Россия развивается... ***		
	в правильном направлении	в неправильном направлении	затрудняюсь ответить
Больше хорошего	34	7	13
Больше плохого	45	82	56
Затрудняюсь ответить	21	11	30
<i>Всего в выборке</i>	30	46	24

Такое соотношение ответов показывает, что травматичность реформ 1990-х гг. связывается значительной частью россиян с периодом горбачевской перестройки. Если говорить точнее, пореформенное время «продлевается вспять», опрокидывается на непосредственно предшествующее реформам прошлое. В связи с этим неудивительна поляризация мнений относительно

* Вопрос: «Скажите, пожалуйста, перестройка принесла Вам, Вашей семье больше хорошего или больше плохого?»

** Вопрос: «Если смотреть с позиций сегодняшнего дня, то перестройка принесла нашей стране больше хорошего или плохого?»

*** Вопрос: «Как Вы считаете, в целом сегодня Россия развивается в правильном или в неправильном направлении?»

того, требовались или не требовались реформы нашей стране в 1980-е годы (табл. 4).

Чаще других о необходимости реформ говорили те, кто адаптировался к сегодняшней жизни (47 %), жители Москвы (63 %) и городов-миллионников (45 %), респонденты с доходами более 3000 рублей (47 %), имеющие высшее и среднее специальное образование (54 % и 45 %), то есть это представители тех социальных групп, которые обладают определенным социальным капиталом, возможностями адаптироваться к меняющейся жизни. Соответственно, представители низкоресурсных категорий граждан чаще говорят, что реформы и преобразования были не нужны.

При этом «выигравшие» (считающие, что перестройка принесла им больше хорошего) от перестройки в большинстве своем придерживаются критического взгляда на ситуацию 1980-х годов, а вот среди «проигравших» наблюдается некоторое расхождение во мнениях (табл. 4). Четвертая часть «проигравших» (27 %) признает необходимость реформ, и их позиции, очевидно, созвучны слова одного из участников фокус-групп:

«Мне поначалу казалось, что перестройка — это что-то хорошее. Вот вы говорите: а кому это было нужно? Нужно было стране, людям. Вот недавно показывали кадры по ТВ: глаза у всех людей горели, когда это все начиналось, когда люди поверили, что наконец-то что-то произойдет, и мы заживем, как люди. А дальше — да... Такой был непрогнозируемый результат, и люди, кто хотел этого, нового, фактически остались в стороне, они не стали этим средним классом» (ДФГ, Воронеж).

Т а б л и ц а 4

Распределение мнений о необходимости реформ и оценок их итогов, %

Реформы в 1980-е годы...*	Всего в выборке	Перестройка принесла Вам, Вашей семье...		
		больше хорошего	больше плохого	затрудняюсь ответить
Требовались	36	75	27	37
Не требовались	37	10	50	22
Затрудняюсь ответить	26	15	23	41
<i>Всего в выборке</i>	100	14	61	25

Таким образом, мы видим, что в разговоре об эпохе перестройки источником смыслов и оценок для россиян являются не воспоминания, не представления об этом этапе истории как о закончившемся, прошедшем. «Открытый финал» перестройки корреспондирует с актуальной современностью, соот-

* Вопрос: «Одни считают, что в 80-е годы положение дел в стране требовало серьезных преобразований и реформ. Другие — что в 80-е годы положение дел в стране серьезных преобразований и реформ не требовало. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?»

ветственно и оценка, которую люди дают сегодняшней ситуации как в стране, так и в частной жизни — это одновременно и оценка самой перестройки. Как мы видели из высказываний участников фокус-групп, одним из критериев законченности или незаконченности этого периода является наличие или отсутствие положительного итога: «любая история должна кончаться хорошо». Итоги перестройки, если судить по ответам россиян, неутешительны. Две трети опрошенных (см. табл. 3) полагают, что для России это время обернулось скорее потерями, и только 17 % полагают, что в «сухом остатке» — больше хорошего, и проекция произошедших в стране перемен на собственную жизнь оказывается очевидной.

Неутешительны и оценки итогов перестройки по тем критериям, которые имеют прямое отношение к перестроечной риторике. В частности, по мнению большинства респондентов (60 %), перестройка ухудшила экономическую ситуацию в стране, и лишь 18 % высказали противоположную точку зрения. Менее однозначны оценки изменений относительно ситуации с правами и свободами граждан в России (табл. 5). Эти оценки довольно сильно связаны с общей оценкой итогов реформ.

Таблица 5

Распределение общих оценок итогов реформ и частных изменений, %

Варианты ответа	Всего в выборке	Нашей стране перестройка принесла... *		
		больше хорошего	больше плохого	затрудняюсь ответить
<i>Как Вы считаете, перестройка изменила или не изменила ситуацию в экономике страны? И если изменила, то улучшила или ухудшила ее?</i>				
Не изменила	5	5	4	9
Улучшила	18	56	7	19
Ухудшила	60	20	78	35
Затрудняюсь ответить	17	19	11	37
<i>Как Вы считаете, перестройка изменила или не изменила ситуацию с правами и свободами граждан? И если изменила, то улучшила или ухудшила ее?</i>				
Не изменила	14	8	16	11
Улучшила	35	72	24	41
Ухудшила	33	10	44	17
Затрудняюсь ответить	18	10	16	31

Представления россиян об итогах перестройки существенно влияют и на отношение людей к главной политической фигуре того времени — М. Горбачеву. К первому президенту СССР люди сегодня чаще всего относятся безразлично (47 %). Те же, кто имеет определенное мнение об этом политике, вдвое чаще вы-

* Вопрос: «Если смотреть с позиций сегодняшнего дня, то перестройка принесла нашей стране больше хорошего или плохого?»

сказываются о нем негативно (32 %), чем позитивно (14 %). Причем такое распределение мнений практически не меняется с 2001 г. Негативно к М. Горбачеву относятся те, кто негативно же оценивает последствия перестройки для себя, своей семьи и страны в целом (табл. 6).

«Мое отношение <к Горбачеву> самое негативное. Это продажный, мелкий и очень недалекий человек. Он стольком людям принес горе большое: развалил страну, смешал народы все, национальные обострил проблемы... Сейчас стало понятно, появилось время проанализировать все. Я вижу, что народ наш сильно обули, и чем дальше, будет еще хуже» (ДФГ, Москва).

Т а б л и ц а 6

Распределение оценок итогов реформ и отношения к М.С. Горбачеву, % по столбцам

Варианты ответа	Всего в выборке	Сейчас отношусь к М. Горбачеву...			
		хорошо	безразлично	плохо	затрудняюсь ответить
<i>Если смотреть с позиций сегодняшнего дня, то перестройка принесла нашей стране больше хорошего или плохого?</i>					
Больше хорошего	17	43	16	6	10
Больше плохого	65	38	61	83	62
Затрудняюсь ответить	19	18	23	11	28
<i>Скажите, пожалуйста, перестройка принесла Вам, Вашей семье больше хорошего или больше плохого?</i>					
Больше хорошего	17	35	14	7	10
Больше плохого	65	36	56	80	59
Затрудняюсь ответить	19	29	31	13	31
Всего в выборке	100	14	47	32	5

Вместе с тем следует обратить внимание на тех респондентов, которые относятся к М. Горбачеву хорошо. Они придерживаются полярных точек зрения на итоги перестройки (как для страны, так и для себя лично). Но есть несколько моментов, относительно которых большинство этих людей демонстрируют согласие. Так, они в подавляющем большинстве (76 %) хорошо относились к М. Горбачеву в то время, когда он возглавлял страну. Они уверены, что перестройка улучшила ситуацию с правами и свободами граждан, а также отношение других государств к нашей стране (такой ответ дали соответственно 60 и 55 % из их числа).

«У меня нет к нему никакого негативного <отношения>. Он делал то, что он мог. Ему досталось то, что ему досталось, и много он изменить просто не мог, потому что в этом обществе не было креативного мышления... Потом были другие люди... и как бы валить на него сейчас все последствия — это просто как бы нечестно...» (ДФГ, Москва).

«Мне он симпатичен. Он навлек на себя, конечно, очень много плохого... Не знаю, это он сам или ему помогли. Но все-таки он же начал перестройку,

значит, есть вот в этом инициатива его, смелость. Он очень хорошо повлиял на нашу международную политику: весь мир объездил, его уважают. Но это нам в кармане денег не прибавляло, знаете, хотя, конечно, он гонку вооружений остановил. Но сырой политик, в общем-то, был, ему не место было у руля такой большой страны, как Россия. Но так сложилось, понимаете. А мы страдаем, в общем-то, от этого» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Для чего это делалось, эта перестройка? Чтобы посвободнее было, и частная собственность, и чтобы экономика пошла вперед развиваться. Все-таки был придуман искусственный строй <коммунизм>... Искусственный строй пытался и экономикой рулить, и людей делал искусственными — ты можешь не себя проявить, природу, интересы, а только как тебе позволяют» (ДФГ, Воронеж).

«Я всю жизнь, помню даже с детства — никогда нельзя было где-то сказать правду. Даже в той же школе. А сейчас... у меня дети совершенно другие, я настолько им завидую в этом отношении! Они свободу слова — для них это естественно. Они знают себе цену в этой жизни — мы вообще не знали себе цену. То есть я, например, считаю, что это очень большие изменения, и это главный результат перестройки» (ДФГ, Москва).

Как показывают данные опроса, представления о социальных и политических реалиях эпохи перестройки у россиян не слишком отчетливы и не оказывают существенного влияния на отношение к М. Горбачеву и на оценку его исторической роли. Показательно, что 41 % респондентов не берутся ответить на вопрос, поддерживало ли тогда большинство руководства КПСС решение М. Горбачева начать преобразования, и 44 % затруднились сказать, оказывалось ли сопротивление перестройке в среде партийной элиты. При этом только 16 % участников опроса считают, что М. Горбачев столкнулся с сильным сопротивлением; 27 % респондентов оценивают это сопротивление как слабое, а 13 % уверены, что его не было вообще. Участники фокус-групп, обсуждая эту тему, в основном дискутировали о том, сам ли Горбачев придумал перестройку или же его кто-то «использовал». Если оценочная модальность второй версии однозначно была негативной, то сторонники первой версии давали М. Горбачеву двойственные оценки: одни характеризовали его как смелого лидера, поднявшего «флаг свободы», другие — как недалёковидного, нерешительного политика, неспособного «быть у руля великой страны».

«Там партийные боссы дрались, не было мысли о жизни людей. Только охранять кресло партийного лидера... Первый-то он выступил с этим, до него не было разговоров о перестройке. Он пришел как лидер Коммунистической партии, Генеральный секретарь... Он хороший человек, он смелый и ответственный человек. Хотя он так много говорил...» (ДФГ, Санкт-Петербург).

«Горбачев был вынужден что-то делать. Многие отрасли, заводы, оборудование стали стареть, и уже не было прогресса. По сравнению с за рубежом мы уже начали отставать по всем видам почти... Но минусы перестройки появляться начали: алкогольная кампания... Не сдюжил он и те, с

кем он был тогда. У нас, в общем-то, все политики были — от комбайна. Такой страной управлять нужно, вообще, не то что сильному человеку... Не знаю, найдется ли такой, который бы идеально справлялся с теми условиями» (ДФГ, Санкт-Петербург).

* * *

Любые символические универсумы, системы знаков и смыслов, утверждают П. Бергер и Т. Лукман, — это социально-исторические продукты. Чтобы в них разбираться, необходимо понимать историю их создания, поскольку они в значительной мере есть продукт субъективного осмысления биографического опыта. Общество располагает разнообразными «институтами памяти» — музеями, символикой, памятными датами, учебниками истории, литературой и т.д. Культурная и эстетическая динамика в этом институциональном пространстве может многое рассказать о социальной и культурной динамике общества.

Однако этот перечень был бы неполон без обыденных теорий. Обыденная теория — это не просто «народная история», состоящая из биографических повествований и реконструируемой семейной истории, не просто усвоенный урок истории, прочитанная книжка или учебник, но знак причастности человека к социальному запасу знания, к накопленному историческому и биографическому опыту, который проявляет себя не только как знание. Человек одновременно и приобщается к социальному запасу знания, черпает из него определенные схемы типизации, с помощью которых воспринимает и оценивает события и происшествия. И в то же время он встраивает в это пространство многочисленные и разнообразные элементы своего собственного знания и личного опыта, придавая им обобщающий вид и проверяя корректность такого обобщения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что обыденные теории очень часто проявляют себя в виде стереотипов, заблуждений, идеологем и мифов, в виде причудливо оригинальных интерпретаций и, разумеется, в «фигурах умолчания».

Для исследователя это означает необходимость определить, закреплен ли за фактом какой-либо *смысл*, делающий его важным и в чем-то уникальным элементом конструкции национальной идеологии и/или мифологии; обладает ли событие характерным ценностным значением, определяющим его роль и место в системе ценностных приоритетов человека. И в дополнение к этому очень важно понимать, что является *источником* такого значения, смысла и оценок, связанных сетью интерпретативных переходов.

Материалы опроса показывают, что в представлениях большинства россиян еще не сформирован образ временной границы перестроечной эпохи, событийный ряд, являющийся содержательным и тематическим наполнением, продолжает пополняться. Вполне возможно, что будущее более точно определит эпизод, о котором «всем будет известно», что именно им закончилась перестройка. Однако в настоящий момент источником смыслов, основанием интерпретаций и критерием положительных или отрицательных оценок тех

событий является сегодняшний день с сегодняшними проблемами страны в целом и отдельных ее граждан. А если еще вспомнить неоднозначность мнений об исторической обусловленности перестройки, можно сказать, что, несмотря на преимущественно негативное отношение россиян к перестройке, российское общество еще не вынесло вердикта относительно того, стояла ли за инициативой М. Горбачева историческая необходимость, или же это было его волюнтаристское («смелое» или же «преступное») решение, приведшее к «судьбоносным», как было принято говорить в те годы, переменам.

Библиографический список

1. 23 февраля // Доминанты. Поле мнений. 2003. №7. (http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dominant2003/698_471/1480_496).
2. Бавин П. Репрессии в СССР // Доминанты. Поле мнений. 2002. № 44. (<http://bd.fom.ru/report/map/d014429>).
3. Климов И. День 7 ноября: «старый» порядок и «революция» // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 43 (<http://bd.fom.ru/report/map/d034329>).
4. Климов И. День Победы. Как он был от нас далек... // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 17 (http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/holiday/9_victory/d031724).
5. Климов И. Референдум о судьбе СССР: 10 лет спустя // Доминанты. Поле мнений. 2001. №9 (http://bd.fom.ru/report/cat/societas/society_power/referendum/d010927).
6. Климов И. Уроки истории — учить или помнить? // Доминанты. Поле мнений. 2003. № 24 (http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/holiday/22_june/d032425).
7. Климов И. Фашизм и современность // Доминанты. Поле мнений. 2001. №016 (<http://www.fom.ru/survey/dominant/168/413/1521.html>).
8. Перестройка: 20 лет спустя // Доминанты. Поле мнений. 2005, №15 (<http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0515>).
9. Черняков А. Власть // Серия «Обыденный язык». Фонд «Общественное мнение» 2001. №11. (http://bd.fom.ru/map/projects/lang/186_12871).
10. Черняков А. Государство // Серия «Обыденный язык». Фонд «Общественное мнение» 2001. №13. (http://bd.fom.ru/map/projects/lang/187_12863).
11. Черняков А. Реформы // Серия «Обыденный язык». Фонд «Общественное мнение» 2000. №1. (http://bd.fom.ru/map/projects/lang/173_12911).